

Границы этих областей гуманитарной науки примерно совпадают с границами философских систем, в лоне которых они развились.

Возможность формализации знания и стабильность терминосистем позволила точным наукам образовать свои формальные языки (например, язык математики или язык химии), компактно представляющие в формульном виде содержание, которое *одинаково* понимается *всеми* представителями науки. Гуманитарные науки, по причине невозможности формализации и терминологической неоднозначности, лишены своих формальных языков и вынуждены пользоваться только естественными языками (что в свою очередь предполагает перевод с одного естественного языка на другой и, как следствие, введение дополнительной неоднозначности).

Поэтому одной из точек зрения на историю языкознания может быть история лингвистической терминологии как поиск ответов на следующие вопросы:

- где и когда возник тот или иной термин;
- его первоначальное значение на языке оригинала;
- варианты его переводов на другие языки и возможные при этом содержательные сдвиги;
- как с течением времени менялось содержание термина;
- какие разночтения этого термина были у представителей разных школ и направлений;
- чем эти разночтения были обусловлены;
- какие последствия имели эти разночтения для дальнейшего развития соответствующих научных концепций.

Для точных наук история терминологии, в силу её стабильности, не имеет столь существенного значения и может представлять интерес лишь в части научного приоритета. В гуманитарном же знании по причине терминологической неоднозначности вопрос научного приоритета настолько усложняется, что практически полностью обесмысливается.

О.В. Четверикова

АВТОРСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ В АСПЕКТЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ

В последние десятилетия в области исследования художественного текста постепенно складывается тенденция к интеграции смежных дисциплин, что, в свою очередь, подготовлено переходом от структурно-систематизирующей лингвистики к лингвистике функциональной, к рассмотрению текста в аспекте теории речевой деятельности и речевой коммуникации. Во многом это определяется интересом к способам означивания средствами языка так называемого «человеческого фактора», желани-

ем лингвистов, лингвокультурологов, когнитологов выявить специфику интеллектуального и духовного пространства личности, закрепленного и отраженного в языке, их интересом к способам языкового означивания картины мира индивида. Конструктивным элементом текста в этом случае выступает языковая личность (человек в его способности совершать речевые действия), рассматриваемая в индивидуально-психологическом, культурно-социологическом аспекте, – личность автора произведения, ибо познание действительности есть, по сути, процесс порождения и трансформации личностного смысла индивидуальным сознанием, ищущим средства и способы объективации в языке результатов этого познания. Поэтому исследование специфики категоризации индивидом реального мира в произведениях речетворчества, описание особенностей его когнитивного моделирования в художественной речи (в частности, в поэтических текстах), уникальности языковой манифестации индивидуальным сознанием личностных смыслов представляется не только интересным, но и значимым в плане изучения и описания творческого процесса художественного речепорождения и самого творческого сознания.

Ю.Н. Караулов называет языковой личностью совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений, различающихся: а) степенью структурно-смысловой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [14: 245]. Выделенные в структуре языковой личности вербально-семантический, когнитивный и мотивационный (прагматический) уровни характеризуются набором собственных единиц и отношений между ними. Так, вербально-семантический уровень включает «фонд грамматических знаний о мире» и соотносится с пониманием значений слов; уровень когнитивный, в котором запечатлен «образ мира», способствует пониманию действительности через тексты, а мотивационный уровень, отражая цели и мотивы речевой деятельности, выводит личность на понимание себя и своей роли в мироздании. Таким образом, языковая личность – это человек, познающий и перерабатывающий, хранящий и передающий информацию, определяющий свое бытие духовными и культурными ценностями. Языковая личность выражает себя через язык, поэтому ее можно реконструировать на основе анализа языковых форм ее представленности в произведениях речетворчества. В.И. Карасик отмечает: «Языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [13: 84].

Языковая личность как понятие характеризуется многоуровневостью, противоречивостью соотношения стабильных (общенациональных) и нестабильных (индивидуальных) элементов. Стабильная, вневременная часть в структуре языковой личности *на семантическом уровне* соотносится с

общерусским языковым типом и устойчивой частью вербально-семантических ассоциаций; на когнитивном уровне – с базовой, инвариантной языковой картиной мира, представляющей собой взаимодействие ценностных ориентаций личности с её жизненными целями, поведением, что находит свое отражение в произведениях речи. На мотивационном уровне стабильная часть структуры языковой личности соотносится с устойчивыми коммуникативными потребностями, информирующими о внутренних установках, целях, мотивах личности. Поскольку личность не только социальна, но и индивидуальна, при переходе к ее прагматическому уровню следует принимать во внимание психологическую составляющую – эмоциональность личности, определяющую специфику ее проявления в коммуникативно-деятельностной сфере [14: 37]. Вариативная, нестабильная часть в структуре языковой личности коррелирует с жизненной доминантой и доминантой ситуационной.

В отечественной лингвистике имеется ряд работ, посвященных исследованию языковой концептуализации мира (Е.С. Кубрякова, С.А. Аскольдов, А.А. Залевская, В.В. Красных, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, А. Вежбицка и др.), изучению концепта как знака языка и культуры, как средства и способа репрезентации мировоззренческих, информативно-смысловых и эмоциональных интенций личности, отраженных в текстах (Ф.Е. Василюк, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.А. Пищальникова, Шаховский В.И., Ионова С.В., Л.О. Бутакова и др.). Эти работы объединяет мысль о том, что концепция мира индивида являет собой инструмент выработки образно-эстетических представлений о человеке и окружающей действительности, о ценностях, общечеловеческих идеалах. В свою очередь, концепция мира – обязательный фрагмент картины мира, которая трактуется как концептуальная система, континуальная система смыслов, структурирующаяся в деятельности индивида в процессе присвоения конвенционального опыта, перцептивных процессов, собственной рефлексии, поскольку отражает способ понимания и познания мира человеком. На наш взгляд, наиболее удачным определением термина «картина мира» представляется его описание как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [27: 21].

Образ мира как реальный пласт человеческого сознания обуславливает основные черты поведения личности, отношение к миру, некие усредненные знания о его устройстве. Образ мира – модель мира, когнитивное образование, позволяющее думать о мире, рассуждать о нем в процессе рефлексии и интерпретации действительности. Это понятие динамическое, обусловленное меняющейся действительностью и, как следствие, подвергающееся определенной трансформации. С.Д. Смирнов в монографии «Психология образа: проблема активности психического отражения» выделяет и описывает ряд свойств, характеризующих понятие «образ мира», и

приходит к выводу, что образу мира присущи два главных качества: целостность и системность. Целостность образа мира определяется тем, что можно получать знания о сути вещей, а не о том, какой является нам та или иная вещь, то или иное событие [30: 144]. С.Д. Смирновым предложена также и идея различения ядерных и поверхностных структур образа мира. Ученый отмечает, что «образ мира является ядерным образованием по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде чувственно (модально) оформленной картины мира» [Ор. cit.: 61]. Ядерные структуры определяются им в качестве фундаментальных опор существования человека как сознательного существа. Они отражают его действительные связи с миром и не зависят от рефлексии по их поводу. Структуры же поверхностные связаны с познанием мира и построением того или иного представления о нем (менее или более глубокого).

Образ мира каждого индивида многолик и функционирует на разных уровнях осознанности, обязательно включает «знания» и «переживания» субъекта и лишь частично поддается вербальному описанию, поэтому необходимо учитывать то многообразие факторов и условий, которые связаны с психической жизнью автора речи, его речемыслительной деятельностью, включенной в другие виды деятельности в составе социума, формирующего субъективный образ мира, вне которого единицы языка как маркеры эмотивно-информативно-коммуникативной системы говорящего, призванные семиотически отражать авторскую концептосистему, не имеют смысла. В результате, чтобы исследовать и описать особенности и приемы языковой категоризации мира творческим сознанием, необходимо выйти за пределы изолированного индивида, единичной деятельности, замкнутого в себе сознания и обратиться к понятиям жизненного мира и жизненных отношений, без которых понять природу смысловой реальности того или иного автора невозможно. А поскольку смысл объектов и явлений действительности является, по сути, системным качеством, которое они приобретают в контексте жизненного мира субъекта, то выход в пространство отношений субъекта с миром, нашедший отражение в сознании индивида и субъективное воплощение в творчестве, позволяет преодолеть бинарные оппозиции аффекта и интеллекта, внутреннего и внешнего мира, сознательного и бессознательного как компонентов многоуровневой иерархической организации содержательной стороны художественного текста, формируемого целым комплексом экстралингвистических факторов, обуславливающих стилевую специфику, информационно-смысловую, коммуникативную и эстетическую направленность произведения, семиотические стратегии автора.

Языковая картина мира (ЯКМ) – это система данных, позволяющая нам описывать определенную среду и говорить о ней. Под языковой картиной мира принято понимать такое языковое членение мира, при котором в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений, в системных значениях слов отражается заложенная в них

информация о мире. Языковая картина мира выполняет в каждый момент своего исторического развития функцию регистрации и инвентаризации всего, что накоплено коллективом говорящих на этом языке. Языковая картина мира наследуется от предшествующих поколений и хранит опыт людей, культурные установки, стереотипы, эталоны, существуя тысячелетия. «Это, прежде всего, определенная совокупность обозначений разных фрагментов мира, множество знаков со своими интенционалами и экстенционалами, набор единиц номинации, картирующий мир» [18: 8]. Образ мира не полностью отображается языковой картиной мира, «поскольку для пользующегося языком человека общезыковая картина мира является лишь медиатором, промежуточным средством познания и общения, более того – одним из разнообразных “инструментов” формирования индивидуального образа мира» [9: 29].

Способом языкового представления или деления мира выступает языковая ментальность [28: 113]. Описываемая как этноспецифическая интерпретация мира говорящим коллективом, языковая ментальность составляет основу понятия «языковое сознание», при оперировании которым обычно подразумевается отражение в языке жизненных и культурных особенностей этноса. Человек же, являясь представителем определенного этноса и определенной культуры, развивается в рамках этой культуры и в процессе своей жизни формирует собственную картину мира. Она включает в себя не только познавательные (когнитивные), но и ценностные (аксиологические) компоненты, регулирующие жизнедеятельность индивида и проявляющиеся в его мнениях, оценках, взглядах, пристрастиях, мотивациях, которые в процессе коммуникации так или иначе субъектом речи актуализируются, ибо основной характеристикой человеческого сознания выступает его способность направлять внимание на предметы внешнего мира и одновременно сосредоточиваться на тех состояниях внутреннего опыта, которые сопровождают это внимание (мотивационно-ценностно-смысловая сфера личности). В свою очередь, языковое сознание индивида представляет собой образы сознания – совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира, которые объективируются средствами используемого языка, что дает возможность исследователю составить представление о языковой картине мира автора речи и, соответственно, о говорящем как языковой личности с его собственной иерархией смыслов и ценностей в картине мира, в его тезаурусе. Сознание языковой личности как высшая специфически человеческая форма психического отражения формируется и развивается в предметно-практической деятельности человека, в его общении с другими людьми [14; 17; 20].

В отображении в процессе коммуникации ментальных образов явлений реальной действительности субъект речи определенным образом фиксирует причинно-следственные и пространственно-временные связи этих явлений, предметов, имеющих для него свой жизненный смысл и входящих в

его внутренний мир, – наиболее интимные, глубинные и индивидуальные структуры и процессы, во многом не зависящие от мира внешнего. Основными составляющими внутреннего мира человека являются присущие только ему и вытекающие из его уникального личного опыта устойчивые смыслы значимых для человека объектов и явлений, отражающие его отношение к последним, а также личностные ценности, которые, наряду с потребностями, выступают источниками этих смыслов. В работе Н.Н. Королевой, исследующей функции смысловых образований в картине мира субъекта, соотношение между картиной мира, жизненным миром и смысловой реальностью представлено в следующей итоговой формулировке, имеющей для нас определяющее значение: «Картина мира личности представляет собой сложную, многоуровневую субъективную модель жизненного мира как совокупности значимых для личности объектов и явлений; базисными образующими картины мира личности являются инвариантные смысловые образования как устойчивые системы личностных смыслов, содержательные модификации которых обусловлены особенностями индивидуального опыта личности» [16: 5]. Иными словами, картина мира человека как система информации индивида о действительности есть его концептуальная система, которая, в конечном итоге, и определяет принципы структурирования концепта, понимаемого нами как ментальное образование динамического характера, базирующееся на перцептивно-когнитивно-аффективном познании мира индивидом, подчиняющееся закономерностям психической и социальной жизни человека и отражающее его систему мнений, представлений, понятий, оценок об определенном фрагменте действительности. Концепт, обладая определенным смысловым пространством (полем), представляет собой некую ментальную структуру (моносистему) в сознании индивида относительно концептосистемы – макроструктуры (полисистемы), в которой через ситуативные модели проявляется логико-семантическая категоризованность индивидуального сознания. По отношению к тексту концепт и концептосистема охватываются категорией сознания автора на семантическом и формальном уровнях и репрезентируется различными языковыми средствами и способами их комбинирования. Л.О. Бутакова определяет авторское сознание как выводимую из текста специфическую модель, «относительно стабильное символическо-семиотическое отображение динамичной совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированных в тексте» [3: 10]. Графически модель авторского сознания может быть представлена следующим образом (см. рис. 1). В дальнейшем мы будем опираться на данное определение авторского сознания, ибо описание когниотипа творческой языковой личности обязательно учитывает специфику строения, функционирования, способы маркирования в произведениях речетворчества этих самых «подсистем» авторского сознания: информативно-смысловой, эмоциональной, коммуникативной и семиотической. Действительно, получение

информации о мире и ее отражение в сознании индивида (процессы концептуализации; информативно-смысловая подсистема) невозможно без эмоций как мотивирующей основы познавательной деятельности человека.

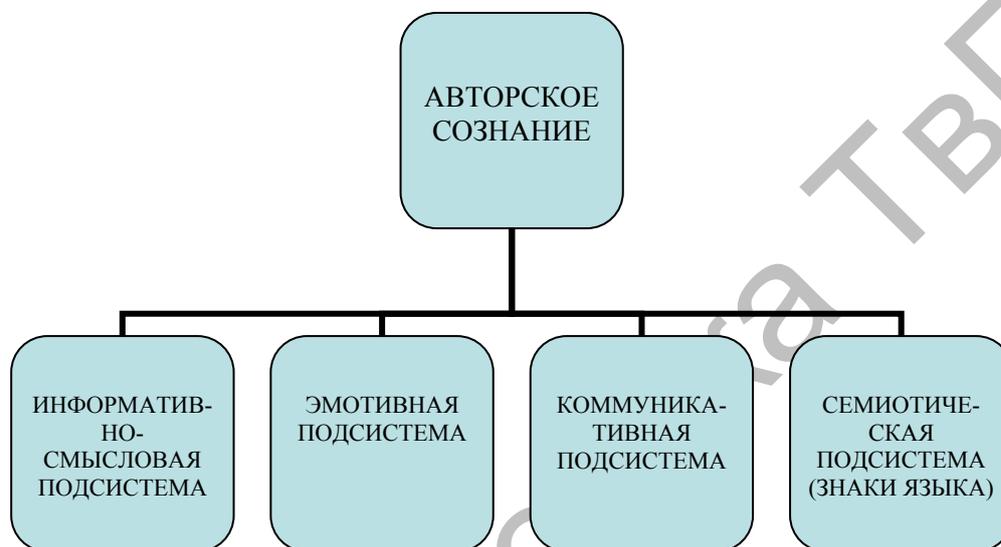

Рис. 1

Эмоции, возникшие при восприятии индивидом реалий действительности и закрепленные в его сознании или же в подсознании в качестве значащих для субъекта переживаний, в условиях коммуникации могут сообщить непосредственную оценку значимости сопровождаемых ими образов, ибо то, *что* мы говорим или же *о чем* думаем, всегда эмоционально маркировано (знаком «плюс» или «минус») и находит свое выражение в тональности общения, интонировании высказываний, в подборе и расстановке языковых единиц, в построении синтаксических конструкций. Например: *Ты солнце в выси мне застишь,/ Все звезды в твоей горсти!/ Ах, если бы – двери настезь –/ Как ветер к тебе войти!* (М. Цветаева, «Ахматовой», 1916); *Солоно-солоно сердцу досталась/ Сладкая Ваша улыбка!* (М. Цветаева, «Не успокоюсь, пока не увижу», 1918). С.В. Ионова подчеркивает, что «эмоции составляют существенную часть его (человека – О.Ч.) когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления» [11: 6]. Таким образом, и при интерпретации смысла произведения, и при описании когнитивного типа творческой личности эмотивная подсистема авторского сознания должна учитываться, ибо эмоциональность регулирует процессы смыслопорождения и формирует прагматику высказывания. Более того, эмоциональную компоненту необходимо рассматривать в качестве способа

выдвижения личностных смыслов говорящего. Необходимо подчеркнуть необходимость дифференцировать понятия «личностный смысл» и «жизненный смысл». «Если жизненный смысл – это объективная характеристика отношения объектов и явлений действительности к жизнедеятельности субъекта, то личностный смысл – это форма субъективного отражения этого отношения в сознании субъекта, в его образе мира» [20: 168].

Коммуникативная подсистема авторского сознания и, соответственно, выбор говорящим типа речевой схемы соотнесены с информативно-смысловой подсистемой, со смысловыми и когнитивными задачами автора. Разные коммуникативные модели – разные уровни языковой рефлексии говорящего, разные представления о мире, разные типы авторского сознания. Коммуникативные предпочтения автора, тип адресанта/адресата – способ моделирования мира в коммуникативных параметрах, различные варианты конструирования внутренней речи в художественных моделях мира, способ манифестации авторских смыслов и их приоритетности. К примеру, в поэтических моделях мира эготивная модель предполагает сосредоточенность автора на себе, адресат как бы «не важен». Текст часто представляет собой конкретное описание, где находит свое преломление авторское осмысление фрагмента действительности. Эготивная модель может содержать компонент фактического и эксплицировать когнитивную структуру с автобиографической референцией. Возможен ввод ценностных когнитивных структур высокой степени абстрактности. Например:

*«Этой краткой жизни вечным измененьем / Буду неустанно утешаться я, /
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем, / В алом парке листьев медленным
паденьем / И тобой, знакомая, старая скамья (И. Бунин, «Этой краткой жизни
вечным измененьем...»).*

Эготивно-апеллятивные (адресные) модели представляют собой конструкции с эксплицированным автором и эксплицированным адресатом. Второе лицо в рамках этих моделей имеет следующие основные ипостаси: определенный, реальный единичный или коллективный адресат; адресат, не обладающий коммуникативной способностью (предмет, абстрактное понятие, природный мир, космос); человек вообще, человечество. К примеру, наименования неодушевленных адресатов в поэтических моделях рассматриваемого типа выступают в качестве репрезентантов доминантного смысла произведения, образованного на основе предметной составляющей концепта, дающей возможность составить представление о соотнесении в когнитивно-концептуальной системе авторского сознания определенных смыслов с определенными предметами. Композиционно-смысловая структура стихотворений с неодушевленным адресатом имеет в своей основе метонимический принцип и формируется в результате сложного взаимодействия всех образов текста. С одной стороны, внешние образительные детали являются косвенным выражением эмоционального состояния персонажа; с другой стороны, чувственно воспринимаемые про-

цессы, происходящие с внешними предметами и явлениями, затрагивают персонажа и оказываются для него эмоционально значимыми. Например:

«Где ты, звезда моя заветная,/ Венец небесной красоты?/ Очарованье безответное/ Снегов и лунной высоты?» (Бунин, «Сириус»)

«Память, ты рукою великаниш/ Жизнь ведёшь, Как под уздцы коня,/ Ты расскажешь мне о тех, кто раньше/ В этом теле жили до меня» (Н. Гумилев, «Память»).

Все элементы композиционно-смысловой структуры стихотворений устремлены к выражению доминантного авторского смысла, акцентуации которого помогает коммуникативная модель с неодушевленным адресатом. Авторское видение в таких произведениях монологическое, соответствующее чувственно-страстному восприятию мира в его природно-предметной выраженности [15: 96].

Художественная модель мира является адекватным воплощением когнитивной деятельности сознания говорящего, представленного рядом когнитивных структур, имеющих языковое выражение. В этом случае каждый вербальный элемент текста функционирует как единица, объективирующая ту или иную когнитивную структуру (или же сразу несколько), и исследование специфики когнитивного моделирования автором действительности предполагает изучение авторских стратегий в выборе средств вербализации эмоционально-смыслового пространства текста (семиотическая подсистема авторского сознания), так как передача любой информации осуществляется в вербальных единицах с использованием их значений в качестве когнитивных структур. Реконструкция же ментально-когнитивного устройства текстовой модели представляет собой дешифровку реципиентом вербальных «намёков», осуществление наложения семиотики текста на текстовые когниотипы, воссоздание коцептуальных структур, выстраивание «ментальных пространств» [39] и установление знаково-когнитивных соответствий, существующих в сознании автора и читателя.

Подчеркнем, что усвоение смыслов, транслируемых через текст, представляет собой сложный процесс, не сводимый к пониманию, ибо смысл всегда требует бытийного, жизненного соучастия в нем, сопричастности. Тогда только он выступает во всей полноте своего содержания и функций как носитель уникальных секретов действий, поступков, образа мыслей и чувств личности и общества в целом. Таким образом, коммуникативная репрезентация в тексте осуществляется через параметры воссоздания мира: *мир — автор (мотивы и интенции автора) — смысл и языковые средства его объективации — тип речевой схемы — читатель/слушатель*. В свое время Н.И. Жинкин подчеркивал, что существуют логические правила, определяющие требования к содержательной структуре речи [7]. Внеся некоторые коррективы, эти логические установки мы изобразим следующим образом (см. рис. 2).

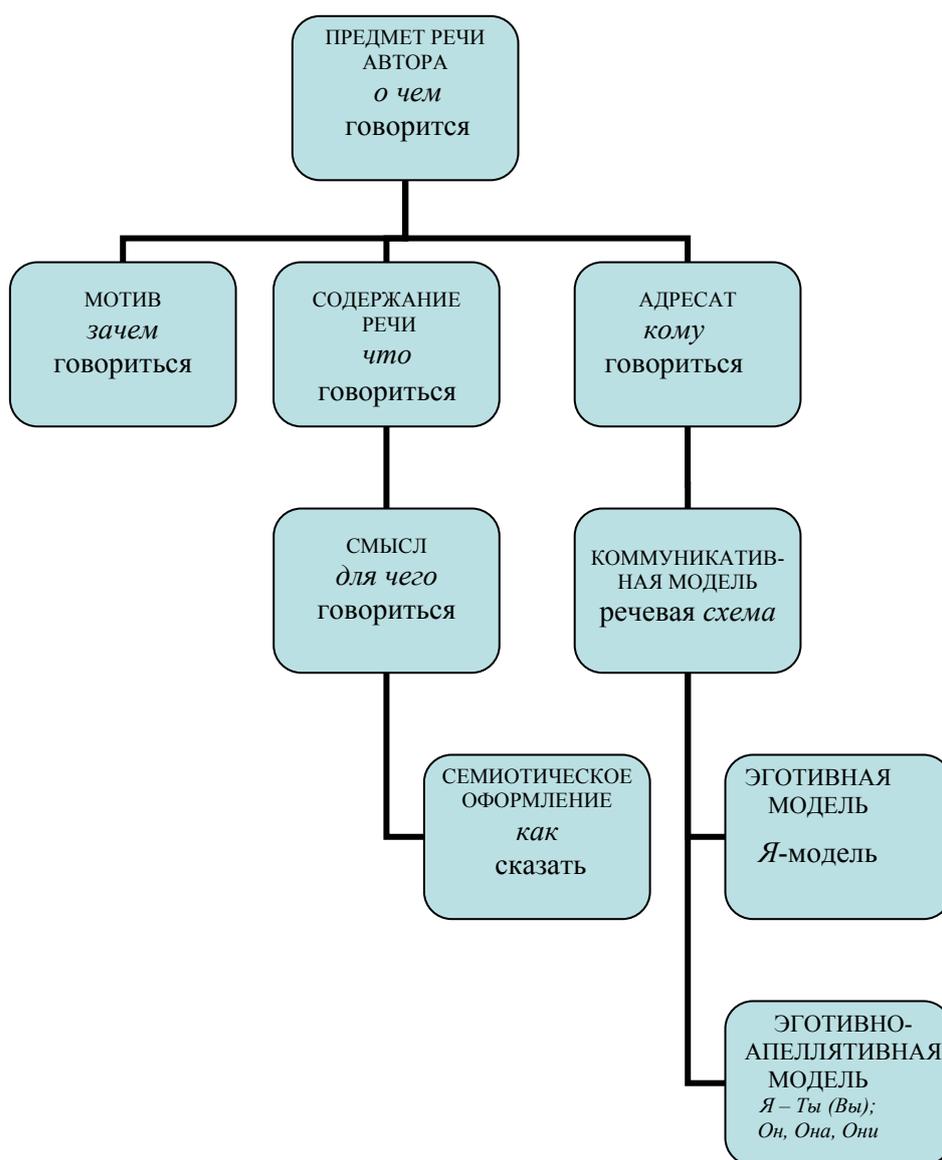

Рис. 2

С когнитивной точки зрения семиотическое устройство любой художественной модели представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых вербальных знаков текста, репрезентирующих через определенные когнитивные схемы индивидуальные способы получения, хранения и передачи информации, мнений, знаний, оценок, существующих в сознании отправителя речи. В психолингвистической парадигме свойства вербальных знаков также связываются со спецификой ментального устройства человеческого сознания, механизмами речемыслительной деятельно-

сти [8–10; 23; 24 и др.]. Каждая коммуникативная единица трактуется как когнитивный компонент, т.е. как фрагмент целостной системы знаний о мире. Подчеркивается, что вербальный знак связан с сознанием, концепто-системой индивида через действие, которое увязывается прежде всего с речевой ситуацией. В первую очередь сказанное касается слова. То, что лежит за словом в сознании человека, имеет множественность форм репрезентации и возможность выбора стратегий пользования этими репрезентациями. В свою очередь, на выбор стратегий и подходящих форм представления влияет ряд факторов, в результате чего значение является «неравнозначным» для всех пользователей [8: 126]. Следует отметить, что языковые единицы текста через посредство конвенционально приписанных им в данном социуме и в данное время значений лишь *намекают* читателю/слушателю на некое содержание, осуществляя таким образом выход на имеющиеся у индивида когнитивные структуры (то, что лежит *за* значением в индивидуальном сознании и подсознании). Это означает, что слово выступает как инструмент доступа к существующей в сознании индивида системе разносторонних знаний, опыта, репрезентирует когнитивные структуры.

В структурировании микроучастков текста, в строительстве смыслового и эмотивного каркаса произведения принимают участие единицы всех ярусов языка, проявляющие в тексте функциональную *однородность*, ибо все они «работают на смысл». Но определяющая роль отведена слову, которое, преломляясь через призму авторского мировосприятия, в художественном тексте получает индивидуальное смысловое наполнение, становится средством выражения такого содержания, которое отличается от обычного, «внешнего», языкового (неконтекстуального) значения слова, т.е. получает в контексте *ситуативно-коннотативное значение*, что позволяет выражать личностный авторский смысл, особенности видения и категоризации мира. Значение слова рассматривается нами в когнитивном ключе – в русле современных динамических теорий, согласно которым «поведение» значимой единицы языка в речемыслительном процессе определяется ее когнитивной сущностью. С этих позиций *значение – когнитивная структура*, дискретированная и объективированная вербально. В силу когнитивной специфики значения (номинативная функция слова; за определенным планом выражения закрепляется определенный план содержания) любое знаменательное слово имеет свой конвенциональный когнитивный «запас», проявляющийся в валентностных свойствах слова, его парадигматических и синтагматических связях. В результате при описании особенностей интерпретации автором значимых для него концептов следует принять слово в качестве репрезентанта когнитивной структуры заданного типа. Структуры знания, оформленные словом, представляют собой когнитивные комплексы и обязательно связаны со смыслом, который, как известно, не входит в состав абстрактной семантики языка, а является частью, составляю-

щей концептосистемы носителей языка. Смысл репрезентируется и актуализируется языковыми средствами, которые избирает креативное авторское сознание, реализующееся во всех компонентах смысловых структур, что и делает замысел единым текстом.

Отметим, что человек не просто воспринимает вещи, а обнаруживает их непрерывную совокупность, замечает их признаки, функциональные особенности и определяет свое поведение в предлежащей действительности, ее оценку, и появление знака поэтому всегда обусловлено определенным значением, ибо «обратная связь будет искать соответствие структуры знака его значению» [7: 58]. Вспомним, что в свое время Н.И. Жинкин, говоря о денотативном отражении действительности, о преобразовании сенсорных сигналов в предметную структуру, ввел понятие универсального предметного кода (УПК), с помощью которого «осуществляется преобразование непосредственно мыслимого содержания о действительности в знаки речи и наоборот. Этот перевод мысли в знаки совершается во внутренней речи, без которой внешняя речь не может состояться» [7: 65]. При этом частеречные «пристрастия» авторов свидетельствуют о разнице способов категоризации им мира, что и обуславливает субъективность конструирования когнитивных структур при присвоении информации и разные способы ввода структуры в речь в силу актуализации ее разных частей в сознании. Разные способы семиотического оперирования, предпочтение автором тех или иных языковых знаков составляют *базовые знаки творчества* личности, способствующие выявлению величины когнитивного потенциала семиотической подсистемы авторского сознания и когнитивного потенциала самого знака.

Специфику строения языковой картины мира автора отражают *когнитивные доминанты* – вербально представленные в тексте ментальные образования, обнаруживаемые на синтаксическом, семантическом, фонетико-фонологическом и коммуникативно-прагматическом уровнях языкового членения. Когнитивные доминанты отображают систему когнитивных трансформаций, которые произведены авторским сознанием по модели «слово – текст» и отражают «вертикальную» систему трансформаций элементов текста через когнитивные ряды слов, высказываний, фрагменты текста [5]. Здесь происходит наполнение смыслом трех когнитивных группировок: *номинативной, предикативной и дейктической*, которые создают все структурно-семантическое многообразие высказываний. По доминирующей когнитивной группировке в тексте можно определить тип когнитивной структуры (аналоговая, ассоциативная; свернутая, развернутая, смешанного типа), выделить несколько типов доминант. Подчеркнем, что различие частных художественных систем мы понимаем как языковую объективацию разных способов категоризации мира говорящим, разных типов авторского сознания. Специфика авторской концептуализации мира как раз и проявляется в неодинаковости знакового устройства художест-

венной модели, в несходстве функций слова и других единиц языка в семиотической и когнитивной организации модели, в различии форм речевых схем коммуникативной модели.

Занимаясь художественной речью и понимая творческую речевую деятельность как деятельность эстетическую, представляющую собой один из видов деятельности психической, мы учитываем, что выбор говорящим средств языкового выражения обуславливается не только эстетической целью, но и соотношением единиц языка друг с другом; словесные знаки при этом несут в себе отпечаток особой духовной настроенности, нравственных чувств говорящего, его внутреннего мира и одновременно выступают как репрезентанты когнитивных структур авторского сознания и как средства маркирования в тексте зон эмотивно-смыслового напряжения, помогая адресату в его интерпретации произведения речетворчества. При реализации своего замысла и развертывании текстовых смыслов автор речи опирается, видимо, на мысленные образы некогда пережитых им жизненных ситуаций, которые зафиксировались в его сознании и подсознании в качестве *значимых переживаний* [4]. Дело в том, что в восприятии мира человеком мир отражается как состоящий из целостных чувственно воспринимаемых предметов, но при таком восприятии – «восприятии вообще» – субъект не фиксирует своего внимания на взаимоотношениях этих предметов. В процессе же восприятия эстетического актуализируется именно взаимоотношение элементов эстетического объекта (формальных и содержательных) и взаимоотношение этого объекта с другими. Эстетическое восприятие избирательно и связано с индивидуальными особенностями психики человека, в результате чего оно является процессом субъективным, но объективно обусловленным. Таким образом, в качестве ментально-лингвистической подготовки текстовой деятельности, которая трансформируется и переакцентируется через замысел и волю говорящего в прагматическом контексте и превращается в текст, выступает когнитивный тип личности, который в отечественной лингвистике определяется как «ментально-лингвистический фрейм, база данных для жанрово специфической текстовой деятельности» [1: 334]. Отмечается, что структура когнитивного типа динамична и эволюционирует пропорционально жизненному опыту индивида. Следовательно, когнитивный тип является неким связующим звеном между реальной действительностью (материальным) и авторским сознанием (идеальным), пристрастно, субъективно отражающим эту действительность и объективирующим ее в речевых произведениях. В центре внимания оказывается проблема соотношения языковых единиц и единиц мышления, мыслительных образов, которые в тексте получают свою вербальную манифестацию. От степени сложности в смысловом и эстетическом отношении первоначального замысла, от уровня разветвленности авторской концептуальной системы, от количества когнитивных структур, содержащихся в авторском сознании, зависит степень вербальной самореализации автора, вовлекающей в процесс репрезентации многие смыслы. Объективированные в тексте когнитивные структуры ав-

торского сознания могут совпадать или не совпадать со структурами другого индивидуального сознания или же сознания конвенционального, под которым мы понимаем этнически и культурно обусловленный менталитет нации, «базу знаний, представлений, образов, сформированных в данной культуре и присвоенных индивидом в процессе “вживания” в эту культуру» [6: 15]. Речь идет о культурных доминантах, представляющих собой наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке, а, следовательно, в сознании [12: 5].

Реконструкция же ментально-когнитивного устройства текстовой модели представляет собой дешифровку реципиентом вербальных «намёков», осуществление наложения семиотики текста на текстовые когниотипы, воссоздание концептуальных структур, выстраивание «ментальных пространств» [39] и установление знаково-когнитивных соответствий, существующих в сознании коммуникантов. При этом необходимо учитывать, что усвоение смыслов, транслируемых через текст, представляет собой сложный процесс, не сводимый к пониманию, ибо смысл всегда требует бытийного, жизненного соучастия в нем, сопричастности. Смысл, извлекаемый читателем из художественного текста, – это всегда его собственный смысл, обусловленный контекстом его собственной жизни и его личности, однако структура произведения и совокупность использованных в нем единиц языка представлены автором таким образом, чтобы объективировать совершенно определенный смысл. Интерпретация текстов, надделение их смыслами осуществляется посредством включения этих смыслов в индивидуальный контекст, представляющий собой отражение реального мира, единого для всех. Поэтому индивидуальные контексты разных людей сходны, что и обеспечивает более или менее успешное взаимопонимание между людьми [22]. При этом особое внимание необходимо уделять определению роли словесных знаков в структурировании микроучастков текста. Точнее – не знаков, а *значений* этих знаков, ибо значение знака в тексте предопределяет появление другого лексического значения, что достигается путем активного поиска со стороны коммуникантов. Тогда и возникает смысл как «предметное отражение совокупности лексем» [7: 96]. Он обладает общностью для слушающего и говорящего, репрезентируя единство и связность предметных отношений.

Для человека восприятие языкового знака актуализует образное, понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание концепта, которое соотносится со всей его концептуальной системой, с личным опытом индивида, что и обеспечивает континуальность смысла у воспринимающего текст, которая, по мнению В.А. Пищальниковой, наиболее отчетливо проявляется в метафорических структурах, ибо метафора способна дискретно представлять смысловой континуум и позволяет при этом выявить определенное чувственное содержание авторской концептуальной системы. В.А.

Пищальникова трактует метафоризацию как сложнейший речемыслительный процесс, как взаимодействие смыслов, в результате которого возникает новый концепт – смысл. Одновременно метафора выступает в качестве одного из универсальных средств фиксации доминантной эстетической эмоции [26]. На наш взгляд, все языковые средства поэтического текста – это единая метафорическая структура, в основе которой лежит ассоциативность как принцип речемыслительной деятельности. Смыслообразующие и смыслоакцентирующие средства текста можно назвать средствами метафоризации в широком понимании этого термина, ибо все они не только служат созданию художественной (поэтической) реальности, выражению значащих переживаний, настроений, но и позволяют получить модель текстопостроения, служащую репрезентации содержательно нового, особенного, индивидуального конвенциональными средствами языка, помогают успешной интерпретации эмотивно-смысловых доминант произведения, личностных авторских смыслов, позволяют выяснить типологически общие и частные черты авторских систем, базовые компоненты «когнитологии» творчества, и, в конечном итоге, описать когнитотипы говорящих. Метафора понимается нами как ментальный феномен, как функционально-коммуникативное явление, реализующееся в тексте и служащее познавательным и эстетическим целям, ибо в семантическом пространстве произведения она не только создаёт художественный образ, но и «способствует» тому, чтобы авторские смыслы стали достоянием индивида, интерпретирующего их с опорой на собственный багаж знаний, жизненного опыта, на конкретную речевую ситуацию. Метафоризация, таким образом, есть метасредство понимания и способ проникновения в авторское сознание, восприятие картины мира говорящего посредством освоения выраженных им личностных смыслов, имеющих определенную значимость.

Занимаясь комплексной когнитивно-смысловой интерпретацией поэтических текстов разных авторов, мы одной из проблем определили моделирование по данным совокупности текстов структуры и типа авторского сознания. В основании такой методики – выделение в качестве элементарной единицы *субъективного смысла*; в качестве базовой структурной единицы – *концепта* как перцептивно-аффективно-ментальной единицы, интегрированной с помощью слова; в качестве элементарной когнитивной единицы выделяется *когнитивный признак* (слово как понятийно-образная единица), базовой структурной когнитивно-ментальной единицы – *когнитивная структура* (конвенциональный способ кодирования и хранения информации) [2; 3]. Компоненты организации поэтических текстов как модели сознания автора и модели мира соотносятся на основе принципа однофункциональности (гомоморфизма). Цель и принципы подобного исследования производны от особенностей когнитивного понимания природы языка, его структуры, механизмов функционирования, от признания эстетической мотивировки (эстетизированной эмоции) основным и главным

мотивом порождения художественного текста. Исследуя специфику индивидуальной интерпретации и языковой объективации говорящим в речевой деятельности того или иного концепта или же нескольких концептов, имеющих для человека/человечества определяющее значение, можно определить инвариантные ментально-лингвистические характеристики созданных им речевых произведений и составить когнитивный портрет автора речи, дающий представление о его образе мира как о достаточно реальном пласте психики, сознания, обуславливающем основные черты поведения личности, ее аксиологическое ориентирование. Более того, в результате сопоставительного анализа когнитивных типов разных сознаний, интерпретирующих в своем творчестве одни и те же концепты, можно получить представление не только о личностных смыслах говорящего [25; 26], но и об эстетических, нравственных, этических приоритетах нации в тот или иной период ее жизни и развития, ибо в художественном тексте всегда проявляют себя культурно закрепленные образы, символы, темы, мифы, переосмысленные и воплощенные разными авторскими сознаниями с помощью индивидуально отобранных средств художественной выразительности, закрепленных в данной культуре. В.И. Шаховской говорит и о национальных эмотивных смыслах, которые являются частью смыслового пространства личности [38: 84].

Думается, что интегративный подход к анализу художественного текста предполагает не только исследование его как целостного структурно-смыслового речевого произведения с учетом всех уровней его организации: фонетики, семантики, грамматики, структуры, прагматики, – с учетом всех функций, выполняемых им: семиотической, коммуникативной, познавательной, эстетической и пр., но и понимание его как *формы бытования смыслов в культуре*. Поэтому одно из центральных мест в рассматриваемой проблематике должны занимать, на наш взгляд, вопросы взаимоотношения языка, культуры и авторского сознания (см.: [31–37]). Теоретической основой таких исследований служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, таким образом отображаются в его сознании, что в нем фиксируются причинные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемые восприятием этих явлений. Следовательно, и образ мира, и способы освоения определенного набора культурно маркированных реалий, и выбор средств вербальной репрезентации авторской интерпретации смыслового содержания этих реалий в языковой коммуникации различны. Попытка автора речи обнаружить и объективировать для других свои субъективные смыслы предполагает попытку человека, воспринимающего речь, обнаружить и сделать своими авторские смыслы, а это возможно благодаря тому, что сознание человека всегда этнически обусловлено, поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. В таком случае представляется важным через анализ

художественной речи установить связь понятий культуры народа и авторского личностного смысла творческой личности, выступающей в качестве выразителя и кодификатора ценностей и смыслов жизни в создаваемых им текстах, что, в свою очередь, является связующим звеном между культурой и личностью.

Семиотическое родство языка и культуры дает возможность рассматривать их во взаимосвязи, используя инструментарий лингвокультурологии в изучении языка и смысла художественных текстов, исследовать специфику функционирования этих текстов в национальной культуре. Таким образом, культуру можно рассматривать в качестве особого семиотического уровня, а текст анализировать в контексте культуры. Ю.М. Лотман писал: «Мы живем в мире культуры. Более того, мы находимся в ее толще, внутри нее, и только так мы можем продолжить свое существование... Сам человек неотделим от культуры, как неотделим от социальной и экологической сферы. Он обречен жить в культуре так же, как он живет в биосфере. Культура есть устройство, вырабатывающее информацию...» [21: 9].

Рассмотрение художественного текста сквозь призму культуры и категории «авторское сознание» требует уточнения методики когнитивно-концептуального анализа текста как одного из видов смыслового анализа. Результатом его применения может стать определение того, какие концепты являются базовыми в концептосистеме той или иной творческой личности, компоненты каких когнитивных структур актуализированы на конкретном участке текста (когнитивном пространстве), каковы способы их взаимодействия в тексте и когнитивной подсистеме авторского сознания. Конечный итог исследования текста в когнитивно-семиотическом, психолингвистическом, прагматическом и лингвокультурологическом аспекте – анализ когнитивных структур авторского сознания на основе их вербальной репрезентации при интерпретации говорящим того или иного концепта и описание когниотипа творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Г. Когниотипичность жанра // *Stylistika*, Vol. Opole, 1997. – 356 с.
2. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и в прозе: когнитивное моделирование: Монография. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001. – 283 с.
3. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 40 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания.–М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.–200 с.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
6. Гвоздева О.Л. Понимание текста в межкультурной коммуникации // Мат-лы междунар. конф., посвященной 60-летию факультета иностранных языков: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Ч. 2. – С. 15–21.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации.–М.: Наука, 1982. –160 с.
8. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография.– Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.

9. Залевская А.А. «Человеческий фактор в языке»: динамика трактовки // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2005. – № 1 (7). – Серия «Филология». – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 25–37.
10. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
11. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты, перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. – 248 с.
12. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3–15.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
15. Карпов И.П. Структура бунинского повествования: знаки авторства // Филол. науки. – 1997. – № 3. – С. 96–105.
16. Королева Н.Н. Смысловые образования в картине мира личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1998. – 16 с.
17. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном курсе. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – 211 с.
18. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Мат-лы 2-й международн. конф.– Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 1999. – Ч. 3. –С. 6–13.
19. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. –2-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1977. – 304 с.
20. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд. испр. – М., 2003. – 487 с.
21. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. – 271 с.
22. Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Под ред. А.А. Яковлева.–М.: Политиздат, 1991.–С.72–94.
23. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания: Монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
24. Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию сознания личности // Психологическое обозрение. – М., 1996. – № 2 (3). – С. 12–17.
25. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект.–Новосибирск: Изд-во Новосибирско ун-та, 1992.–132 с.
26. Пищальникова В.А. Психопоэтика: Монография. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1999. – 175 с.
27. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.– С.8–69.
28. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С.110–122.
29. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. – М.: Наука, 1997. – 463 с.
30. Смирнов С.Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 231 с.
31. Четверикова О.В. Моделирующие свойства слова и когнитивный потенциал знаков в поэтическом тексте // Научные традиции славистики и актуальные

- вопросы современного русского языка: Мат-лы междунаrodn. науч. конф. лингвистов, посв. 100-летию со дня рождения проф. С.В. Фроловой.– Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 157–160.
32. Четверикова О.В. Коммуникативная модель «Я-внешнее – Я-внутреннее» в поэтической речи М. Цветаевой в аспекте реализации авторских смыслов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов-на-Дону, 2006. – № 4 (23). – С. 197–200.
33. Четверикова О.В. Художественный текст как форма презентации авторских смыслов: Монография. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 212 с.
34. Четверикова О.В. Модель сознания творческой языковой личности и эмоционально-смысловая структура текста // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2007. – № 14 (42). – Серия «Филология». – Вып. 8. – С. 85–92.
35. Четверикова О.В. Языковые средства маркирования авторских замыслов в лирике И. Бунина // Анализ текста в вузе и школе: Мат-лы проблемной группы. – СПб: Изд-во «Сударыня», 2008. – С. 104–111.
36. Четверикова О.В. Концепт ЛЮБОВЬ и его языковая экспликация в поэтической речи М. Цветаевой // Поэтика художественного текста: Мат-лы Международной заочной научной: В 2 т. – Т. 1: Язык. Текст. Культура. – Борисоглебск: ООО «Кристина и К». 2008. – С. 257–261.
37. Четверикова О.В. Коммуникативная модель с обобщенным адресатом как форма языковой объективации личностных смыслов говорящего // Актуальные вопросы филологии и педагогической лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. XI / Под ред. Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2009. – С. 91–94.
38. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. – 248 с.
39. Fauconnier G. Mappings in thought and language. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

СООБЩЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Воробьева

МЕТАФОРА И ПОЗНАНИЕ

Актуальными во многих областях науки стали проблемы соотношения метафоры и познания, поскольку метафора стала рассматриваться с концептуально-новых позиций, с точки зрения ее связи с мышлением, восприятием и другими познавательными процессами. Современные исследования метафоры не только выходят за рамки традиционных идей, вступают в противоречие с ними, но и сами новые подходы, являясь частью различных отраслей научного знания, предоставляют сложность для объединения их в новую теорию метафоры как способа познания. Возникает необходимость систематизировать данные, полученные в различных отраслях научных исследований. «Метафора требует метатеоретического